

ОБРАЗЫ ИТАЛИИ В «ЗАПИСКАХ НЕИЗВЕСТНОЙ ОСОБЫ»

Автор: Зятков Кирилл Александрович

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса Института механики и энергетики имени В.П. Горячкина, k.ziatkov@yandex.ru.

Научный руководитель: Миролюбов Иван Андреевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, mirolyubov@rgau-msha.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу путевого дневника неизвестного вельможи, путешествовавшего по Италии в 1690-ые гг. Путешествие проходило в одно время с Великим посольством, инициированным Петром Великим, но по другому маршруту. Сама поездка автора-анонима, как и его отчет имели неофициальный характер. Текст больше походит на путевой дневник. Ценность его состоит в том, что он является источником, как по европейской повседневности, так и по отечественной культурной истории конца XVII в. В это время традиционный русский уклад испытывает все возрастающее влияние западной культуры. Этот культурный тренд связан с политикой Петра Великого. Текст записок позволяет увидеть ранний период этого культурного взаимодействия на примере того, как образованный русский вельможа воспринимает жизнь европейских стран. В статье знакомство жителя Русского царства с Европой будет проиллюстрировано на материале поездки автора по Италии.

Ключевые слова: Великое посольство; Петр Великий; внешняя политика Русского царства; культура Русского царства

IMAGES OF ITALY IN THE «NOTES OF UNKNOWN PERSON»

Author: Zyatkov Kirill Alexandrovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), student, Institute of Mechanical and Power Engineering named after V.P. Goryachkin, k.ziatkov@yandex.ru

Scientific supervisor: Mirolyubov Ivan Andreevich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of History, mirolyubov@rgau-msha.ru

Abstract. This article analyzes the travel diary of an unknown nobleman who traveled through Italy in the 1690s. The journey took place at the same time as the Grand Embassy initiated by Peter the Great, but along a different route. The anonymous author's trip itself, as well as his report, were unofficial. The text is more like a travel diary. Its value lies in the fact that it is a source both for European everyday life and for Russian cultural history of the late 17th century. At that time, the traditional Russian way of life was experiencing an ever-increasing influence of Western culture. This cultural trend is associated with the policies of Peter the Great. The text of the notes allows us to see the early period of this cultural interaction using the example of how an educated Russian nobleman perceived the life of European countries. In the article, the acquaintance of a resident of the Russian Tsardom with Europe will be illustrated using the author's trip to Italy.

Keywords: Grand Embassy; Peter the Great; Foreign Policy of Russian Tsardom; Culture of Russian Tsardom

«Записки неизвестной особы о путешествии по Германии, Голландии и Италии» – это редкий образец русской путевой литературы конца XVII – начала XVIII вв. Автор этого произведения неизвестен [1, с. 464–464], но его статус несомненно высок: он участвует в дипломатических миссиях, присутствует на аудиенциях, обедах с послами, посещает дома представителей европейской элиты. Стиль текста указывает на образованного человека, ориентирующегося в устройстве европейской жизни.

Язык произведения эмоционально насыщен, а стиль изложения тяготеет к множеству подробностей. Текст строится по хронологическому принципу, в согласии с маршрутом перемещения автора, что придает ему структуру дневника или путевых записок [2, с. 282]. Особое внимание уделено Италии – ее культуре, искусству, религии, техническим достижениям и городской жизни. Италия выступает здесь не просто как географическая точка на пути, а как образ совершенной Европы, насыщенной символами богатства, духовности и диковины. Это сторона источника обращала на себя внимание исследователей, в частности при попытке осмыслить восприятие Италии современниками Петра Великого [3].

Цель настоящей статьи – раскрыть образы Италии, собственно, на материале данного источника. При работе с ним опираемся на его издание: [1, с. 163–184].

Во время поездки по Италии автор сосредоточился на севере и центральной части Аппенинского полуострова; им были увидены такие крупные городские центры Италии как Милан, Венеция, Болонья, Флоренция и, конечно же, Рим. Подробные рассказы об этих городах позволяют говорить о том, что автор имел возможно достаточно времени для знакомства с ними. Вместе с тем, важно отметить фокус внимания автора: это крупные

архитектурные сооружения (храмы, монастыри и дворцы знати), а также разнообразные диковины. Повседневная жизнь средних и низших слоев населения мало интересует автора. Соответственно, Италия в его произведении предстает как страна роскоши и богатства, а также удивительных и достопримечательных предметов. За пределами этого дискурса замечания немногочисленны. Так, в рассказе о Венеции он упоминает о бродячих артистах и о подневольных гребцах, которые поселены на отдельном острове [1, с. 174–175].

Влияние религии на мировоззрение жителя русского царства XVII в. способствует благочестивому интересу автора к христианским святыням и древностям, которыми богата Италия. В Венеции он посещает Собор св. Марка [1, с. 173], множество церквей посетил он, естественно, и в Риме [1, с. 177–178]. С глубоким знанием и благоговением он упоминает о виденных им реликвиях, а также мощах христианских святых. Сообщая о мощах св. Алексея Человека Божия, он мимоходом указывает на хорошее знакомство с житием этого святого, когда говорит, что видел «крыльцо то, под которым жил» [1, с. 178]. Это замечание интересно особенно тем, что св. Алексей, будучи святым покровителем отца Петра Великого – царя Алексея Михайловича, занимал важное место в числе святых покровителей правящей династии [4].

Интерес автора к домам знати имеет, вероятно, практический интерес. Все более ориентируясь, вслед за Петром, на стандарты западноевропейской культуры, элита Русского царства должна была соотносить интерьеры своих усадеб с европейскими образцами. Потому автору важно увидеть, что интересного и нового есть во дворцах европейской знати. Характерно описание дома некоего вельможи во Флоренции: «тут же был у сенатора в доме. Велик, пять палат убраны письмом предивным, 15 палат убиты камками красными, 15 палат цветными камками, 2 – шпалерами, 5 – бархатами разными, 2 – мраморная» [1, с. 176]. Отметим интерес автора к материалам, которыми отделаны комнаты: в России дорогие ткани (сукно, камка – шелковая узорчатая ткань) часто использовались для украшения стен и потолков [5, с. 141–147]. Сама ткань исстари была одним из характерных признаков богатства (достаточно вспомнить традиционный русский многослойный костюм), потому «наряд» помещений был для автора достаточным способом показать возможному читателю богатства «сенатора», владельца дома. Также автор отмечает «зеркала дивныя на полторысажени», т.е. на три метра в высоту каждая. Зеркала – редкий предмет в России того времени, встречавшийся среди богатого декора дворцов [5, с. 210–213].

Во время визита в Рим автор посетил дворец римского папы и дом некоего кардинала. Он отмечает, что в покоях кардинала много золота, а

кресла «бархаты обиты с золотыми кружевами»; в комнатах папского дворца автору запомнились «камки красные и бархат». Уже знакомый нам способ показать богатство дополняется еще и числовым показателем – у кардинала «палат спальных 100», у папы «счетом тех палат 11225» [1, с. 177]. При описании паркового комплекса он подробно описывает фонтаны, которые для него должны были быть новинкой. Фонтаны уже были известны при царе Алексее Михайловиче, однако масштабно они начали создаваться только при Петре, и в более позднее время, нежели чем время создания записок. Отсюда понятен интерес к ним автора, хорошо видный на примере описания фонтанов в усадьбе князя Боргезе в Риме: «Атласы на главе держат глобус, из-под него вода течет», «другой фонтан: мужик на лошади в рог трубит очень громко, водою ж», «еще на горе девять девок лежат, у каждой флейта в руках и органы великие; как пустят воду, девки и органы играют очень приятно» [1, с. 178–179]. Отметим, что автор плохо идентифицирует их скульптурный декор. Ему известны атланты (Атлант – мифический герой, державший небосвод по греческим преданиям), но кто такие музы («девять девок») – ему неизвестно. Между тем, мифологические сюжеты часто изображались на декоративно-прикладных изделиях, поступавших в Россию в качестве дипломатических даров. Это замечание автора позволяет взглянуть на эти сюжеты глазами русского современника (девять муз превращаются в комичных «девять девок»). Отметим, впрочем, что слабое знакомство с античной мифологией не было свойством российской аристократии того времени. Так, к примеру, придворный поэт царя Алексея Михайловича Симеон Полоцкий активно использует мифологические сюжеты в своих произведениях [6, с. 185–186].

В той же усадьбе князя Боргезе автор отмечает скульптурные изображения исторических персонажей: «персоны цесарские и многих славных владетелей и мучителей, из мраморов» [1, с. 178]. Замечание позволяет предполагать, что автор идентифицировал изображение римских императоров (цесари) и языческих правителей прошлого (мучители). Это, в свою очередь, может указывать на интерес автора к истории римских правителей, чьи скульптурные портреты являются ценным подспорьем для изучения их деятельности и идеологии правления [7]. Отметим, что отец Петра Великого, царь Алексей Михайлович весьма интересовался историей на предмет поисков примеров для подражания. В числе его любимых героев – римский император Константин Великий, который благодаря своей прохристианской политике стал образцом для христианских монархов [8, 9]. Живописные сюжеты из древней истории встречаются в декоре царских дворцов [5, с. 213–219]. Кроме изображений, автор старался также увидеть архитектурные памятники, связанные с именем римских императоров. Так, в

Риме он «двор видел Нерона царя и мучителя, где мучил разным мучением святых и зверьми травил» [1, с. 178]. Здесь интерес автора объясняется его хорошим знанием христианской истории.

Описание Италии дает вообще очень яркую и пространную картину образованности автора записок. К ученым новинкам он откровенно тянется, что видно по его замечаниям о диковинах, представлявших научное значение. В галерее Уффици во Флоренции он отмечает «палату с инструментами математическими, два глобуса велики» [1, с. 176]. В усадьбе флорентийского герцога он видел «камень магнит сажень двух кругом, вверх по пояе человеку» [1, с. 177]. В замечаниях этих, впрочем, ощущается несколько механическое восприятие данных предметов как маркеров просвещенности, которая, в свою очередь, играет роль не столько личной образованности, сколько высокого статуса. Наиболее ярко это ощущается на примере описания библиотеки римских пап (Ватиканская библиотека): «палаты по 12-ти и по 13-ти сажень (т.е. по 25 и по 27 метров) наполнены книгами все» [1, с. 177]. Сходны по своей лаконичности и описание научных институций. О Падуанском университете автор замечает между подробным рассказом о водном курорте и церквями Падуи: «Был в академии, где учатся великих наук» [1, с. 180]. В таком же ключе дано и описание галереи Уффици, которую называет «двором», «где собраны всякие вещи, называется галлерей». Живопись автор характеризует кратко: «Палата с письмами предивными». Сюжеты полотен автор описывать не стал; зато внимание его привлекает «шкатулка золотом оправлена, камнями, изумрудом, яхонтами». После шкатулки также следует весьма продолжительное перечисление изделий ювелирного характера, явно вызывающих у автора больший интерес, чем полотна [1, с. 176].

Большой интерес у автора вызывают парковые комплексы. При дворце флорентийского герцога он отмечает парк (в его терминологии – «сад»), где «дивные по дорожкам сажены кипарисы» [1, с. 176]. В монастыре францисканцев в Риме автор отмечает виденное им «финиковое дерево» [1, с. 178]. Более всего его впечатляют угодья князя Боргезе в Риме. В усадьбах того же аристократа во Фраскатти он отмечает парк, где «деревья обрезаны по веревке» [1, с. 178–179]. Парковые комплексы уже появляются в России XVII в. Несомненно, значимую роль здесь сыграли иностранцы, посещавшие Россию. Так, к примеру, голландский дипломат Н. Витсен отмечает, что в 1665 г. в усадьбе князя Я.К. Черкасского в Марьиной роще был парк европейского образца, который использовался для прогулки проживавшими в Москве иностранцами [10, с. 151]. Со временем парковые пространства будут украшать усадьбы царя Алексея Михайловича в Коломенском и Измайлово в царских резиденциях [11]. Эти первые опыты садово-паркового

искусства окажут влияние на Петра Великого, который затем будет занят созданием резиденции с парковым комплексом – Петергофа. Естественно, что мода, поддерживаемая монархами (как Петром, так и его более консервативным отцом, Алексеем Михайловичем), будет иметь распространение и в среде элиты. Отсюда становится понятна практичность интереса автора. Садово-парковое искусство обусловило существование при таких комплексах зверинцев с экзотическими представителями фауны, а также конюшен. Интерес автора к коням хорошо виден на примере его замечания о лошади у флорентийского князя, которая «имела гриву 11 сажень» (автор подтверждает эту цифру: «мерял сам») [1, с. 176].

С точки зрения адаптации новшеств автор проявляет интерес к производству. В рассказе о Венеции он упоминает посещение завода по производству сахара и стекольных заводов в Мурано [1, с. 174].

Подводя итог, можно сказать, что через образы Италии автор передает свой кругозор. Сформировавшийся в атмосфере XVII в., когда мировоззрение жителя Русского царства во многом было религиозно, автор проявляет большой интерес к храмам и реликвиям, при этом обнаруживает большое знание в знании Нового Завета и истории христианства. Почтительное отношение к реликвиям, хранящимся в католических храмах и монастырях, впрочем, не заставляет его забыть о разнице между Православной и Католической церквями. Так, о посещенной им «греческой церкви, во имя св. мученика Георгия» в Венеции он отзывается с большой теплотой, как и о ее настоятеле, «зело ученом человеке» [1, с. 174]. Католическое духовенство он не описывает, за исключением только высокопоставленных лиц, которых видел во время церемоний. Описание римского папы в большей степени сосредоточено на его пышном костюме [1, с. 177]. Вместе с тем кругозор автора не ограничивается благочестивым интересом паломника. Ему интересны дома элиты и парковые комплексы – как образцы. Характеризуя произведение автора в целом, можно отметить, что оно предвосхищает до некоторой степени подход Петра Великого, который характеризовал свое посещение французских королевских усадеб словами «великий plezier имел», но при этом использовал знакомство с ними для последующей адаптации понравившихся ему новшеств [12, с. 141–165]. В XVIII веке это нашло свое продолжение и в моде, присущей дворцовой архитектуре эпохи царствований Елизаветы Петровны и Екатерины II [13].

Список литературы

1. Записки русских путешественников XVI–XVII вв. Москва: Советская Россия, 1988. 528 с.

2. Соломеина В.Н. Жанровая специфика мемуаров Петровской эпохи // Дергачевские чтения – 2006. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург: Издательство УрГУ; Издательский дом «Союз писателей», 2007. Т. 1. С. 281–286.
3. Поверина А.М. Русский взгляд на Италию (на материале путевых дневников петровского времени) // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сборник статей молодых ученых. Вып. 4. Екатеринбург: УГИ УрФУ, 2021. С. 124–129.
4. Муравьев А.В., Турилов А.А., Никифорова А.Ю., Толстая Т.В. Алексей, человек Божий // Православная энциклопедия. Москва, 2001. Т. II. С. 8–12.
5. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Часть I. Москва: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1895. 759 с.
6. Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Ленинград: Наука, 1973. 280 с.
7. Миролубов И.А. Визуализация идеологии императорской власти в Древнем Риме средствами изобразительного искусства: к постановке проблемы // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. Москва: ИНИОН РАН, 2019. С. 560–569.
8. Миролубов И.А. Осмысление личности императора Константина Великого в IV–V вв. // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Т. 3. СПб.: РХГА, 2023. С. 335–348.
9. Скрипкина Е.В. Царь Алексей Михайлович – «Новый Константин»: Византийский образец власти в русской практике третьей четверти XVII в. // Омский научный вестник. 2012. № 1 (105). С. 12–15.
10. Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664–1665: дневник. СПб.: Симпозиум, 1996. 265 с.
11. Миролубов И.А. Усадьбы царя Алексея Михайловича как агропромышленные комплексы XVII века // Аграрное предпринимательство: история, тренды, горизонты развития: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 09–10 октября 2024 года. Москва: РГАУ, 2024. С. 34–38.
12. Мезин С.А. Пётр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. 310 с.
13. История России от древности до конца XVIII века: учебное пособие для вузов / Гончарук Е.И., И.А. Миролубов, С.А. Миронюк, В.Т. Сакаев, М.В. Шерстюк; под ред. А.Б. Оришева. Москва: Российский государственный аграрный университет, 2024. – 284 с. ISBN: 978-5-9675-2038-9